

Прощение долга сквозь призму философского и экономического контекста правового регулирования

Жестовская Дария Андреевна

научный сотрудник отдела общих проблем частного права Исследовательского центра частного права им. С. С. Алексеева при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Российская Федерация; dzhestovskaya@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Реформирование правил о прощении долга (ст. 415 Гражданского кодекса РФ) в 2015 г. поставило вопрос о том, не изменила ли данная новелла принципиальные основы гражданского законодательства. В новой редакции статьи для прощения долга не требуется согласия должника. Не является ли это шагом к тому, что и для дарения не потребуются согласия одаряемого? Автор на основе философских исследований С. С. Алексеева анализирует данную новеллу и оценивает ее роль в развитии гражданского законодательства.

Ключевые слова: дарение, прощение долга, согласие, односторонняя сделка

Debt Release in the Context of Philosophical and Economic Aspects of Legal Regulation

Dariya A. Zhestovskaya

Researcher of the Department of the General Problems of the Private Law of the Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S. S. Alekseev, Saint Petersburg, Russian Federation; dzhestovskaya@mail.ru

ABSTRACT

The reform of the rules on debt release (Article 415 of the Civil Code of the Russian Federation) in 2015 raised the question of whether this novelty changed the fundamental principles of civil law. Amendments to the article do not require the consent of the debtor to forgive the debt. Is this a step to the rule that it is not required the consent of the donee in the donation? The author analyzes these amendments on the base of philosophical studies of S. Alekseev and assesses its role in the development of civil law.

Keywords: donation, debt release, consent, unilateral transaction

Требуется ли согласие лица на благодеяние в его пользу?

В контексте российского законодательства данный вопрос может показаться неактуальным. Самая распространенная правовая конструкция, опосредующая благодеяние одним лицом другому, — договор дарения. Закон устанавливает именно договорную конструкцию правоотношения. Это означает, что согласие одаряемого на благодеяние в его пользу необходимо. Таким образом, закон в своих правовых конструкциях отражает ценность в правовом порядке базового принципа автономии личности — навязанное благодеяние недопустимо¹.

В то же время не все советские правоведы соглашались с такой квалификацией отношения дарения. Б. Б. Черепахин полагал, что договорная конструкция дарения является фикцией, прикрывающей существо отношений дарения, которые должны быть квалифицированы как односторонняя сделка². Однако такая позиция здесь приводится не ради исторической справки. Несмотря на то, что закон в части регулирования отношений дарения остается неизменным, повод поставить этот вопрос на современном этапе развития гражданского права все же возник. В результате реформирования Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) в 2015 г. претерпела изменения ст. 415 ГК РФ, посвященная прощению долга. Даже без обращения к деталям проблемы разграничения конструкций дарения и прощения долга сложно отрицать, что прощение долга, так же как и дарение, опосредует отношения благодеяния. Однако в результате реформы необходимость получения согласия должника на прощение долга была поставлена под сомнение. П. 2 ст. 415 ГК РФ сформулирован следующим образом:

«Обязательство считается прекращенным с момента получения должником уведомления кредитора о прощении долга, если должник в разумный срок не направит кредитору возражений против прощения долга».

¹ Алексеев С. С. Юридические конструкции — ключевое звено права. В порядке постановки проблемы // Цивилистические записки. М., 2001. С. 7.

² Черепахин Б. Б. Дарение по Гражданскому кодексу РСФСР. Труды по гражданскому праву. Книга четвертая. М., 1923. С. 47.

Должник не должен выражать свое согласие, но может направить возражение о прощении долга. В доктрине данная новелла толкуется по-разному. Высказывается позиция, согласно которой прощение долга представляет собой одностороннюю сделку³. Ряд авторов продолжают видеть в сделке по прощению долга двусторонний характер, однако с презюмируемым акцептом должника⁴. В любом случае отношение к воле должника в новой конструкции меняется. Воля должника либо не нужна, либо презюмируется. За этими тонкими настройками института прощения долга стоят принципы гражданского права и теоретические основы построения правового регулирования. Точечное изменение нормы об одном из оснований прекращения обязательств способно поставить вопрос о степени реализации в отечественном праве принципа индивидуализма и автономии воли.

Может, принцип автономии воли перестает быть непререкаемой ценностью гражданского права?

В обоснование нового подхода законодателя к прощению долга можно предложить следующий аргумент. Много ли должников откажутся от того, чтобы их долг простили? Такие должники, конечно, будут, но они в меньшинстве. Гражданское право должно отвечать интересам не меньшинства, а большинства. Что более распространено, то и должно быть общим правилом. Если большинство должников согласилось бы с прощением долга, то зачем устанавливать в качестве правила по умолчанию необходимость получения согласия? Такое регулирование требует дополнительных издержек на согласование воли, а следовательно, является экономически неэффективным.

Экономический анализ права против философии права

На институтах дарения и прощения долга видно, что правовое регулирование может иметь разные основы. К таким основам можно, в частности, отнести экономический анализ права и философию права. В науке экономического анализа права сформулировано понятие *majoritarian default rule* (мажоритарная диспозитивная норма). Это диспозитивная норма, которая соответствует воле большинства⁵. Такой подход к формулированию диспозитивных норм уменьшает трансакционные издержки на согласование условий договора, отличных от диспозитивной нормы⁶. А экономия трансакционных издержек, в свою очередь, ведет к повышению экономической эффективности, что является одной из целей правового регулирования. Если следовать логике экономического анализа, то уменьшить издержки позволяет модель, которая не требует выражения воли одаряемого на получение дара и воли должника на прощение долга. Если большинство лиц, в пользу которых совершается благодеяние, согласно на это, нормы, опосредующие такое благодеяние, должны быть сконструированы по модели односторонней сделки.

Таким образом, возможным обоснованием внесения изменений в ст. 415 ГК РФ является выбор законодателем экономической основы правового регулирования. В то же время дарение остается именно договорной конструкцией. Что может лежать в основе данного правового регулирования института дарения?

Философия права формулирует следующий принцип: «Никто не может навязать непрошеную выгоду другому». Этот принцип ярко проявлялся в римском праве, в котором существовала максима *“alteri stipulari nemo potest”*⁷. Она означала, что каждый может только самостоятельно приобретать то, в чем он имеет интерес. Именно на основе данной максимы в римском праве отрицались такие институты, как представительство и договоры в пользу третьего лица⁸. Формулирование такого принципа связано с философским контекстом крайнего индивидуализма римской юриспруденции.

Однако в континентальном праве с развитием институтов представительства и договоров в пользу третьего лица эта римская максима была пересмотрена. Догматический принцип уступил место потребностям экономики⁹. Есть ли вероятность, что такая же судьба ждет и договор дарения,

³ Договорное и обязательственное право (общая часть) : постатейный комментарий к ст. 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко, О. А. Беляева [и др.]; отв. ред. А. Г. Карапетов. М., 2017. С. 796 (автор — А. А. Павлов).

⁴ Там же.

⁵ Карапетов А. Г. Экономический анализ права. М., 2016. С. 429.

⁶ *Posner R. A. Economic Analysis of Law. 8th ed. New York : Aspen Publishers, 2010. P. 119.*

⁷ D. 45.1.38.17.

⁸ См.: Библикова Е. В. Договор в пользу третьего лица в российском и европейском частном праве (сравнительно-правовой обзор) // Договоры и обязательства : сборник работ выпускников РШЧП. I том. С. 77–78.

⁹ Там же. С. 93–94.

который на основе экономического анализа права трансформируется в одностороннюю сделку? Или потребности экономики все-таки не всегда способны вытеснить подходы правопорядка, основанные на догме права и философии права?

Экономический анализ и философия права: вместе или порознь

Особое значение в контексте философии права имеет социологическое понимание права. С. С. Алексеев отмечал, что право обладает способностью реагировать на изменяющиеся условия общественной жизни¹⁰. Право не только опосредует социальные отношения, но и является продуктом социального взаимодействия. Получается, что право — это то, что действительно встречается в общественных отношениях, распространено в них и востребовано. И тогда мы опять приходим к идее права как права большинства. Сконструированная законодателем норма должна являться обобщением практики социального взаимодействия. И следовательно, такая норма должна представлять собой *majoritarian default rule* — мажоритарную диспозитивную норму, то есть норму, которая соответствует превалирующей социальной модели поведения. Однако основой *majoritarian default rule* здесь становится не принцип экономической эффективности, а социологическое понимание права.

Интересную метаморфозу демонстрирует и подход Б. Б. Черепяхина. Конструкцию дарения как односторонней сделки он выводит догматически, на основе представлений о юридически значимой воле¹¹.

Получается, что и философия права, и экономический анализ права могут приводить к одним и тем же результатам и необязательно находятся в непримиримом противоречии. Из приведенных рассуждений следует, что обосновать односторонний характер сделок, опосредующих благодеяние, может как экономический анализ, так философия права.

В то же время следует отметить, что социологический подход к праву не всегда предопределяет выбор модели правового регулирования.

С. С. Алексеев считал, что задачей философии права является объяснение смысла и предназначения права сквозь мировоззрение общества, через призму общественных ценностей¹². Он называл философию права интеграцией философских идей и данных правоведения¹³. Ученый в своих исследованиях отмечал, что в основе частного права лежат философские идеи равенства, личной свободы, автономии воли¹⁴.

Принцип автономии воли раскрывается в рассуждениях М. М. Агаркова. Ученый полагает, что, если имя человека использовано в положительном контексте, например, ему приписаны какие-нибудь геройские поступки, он все равно имеет право на защиту своего имени¹⁵. Иное привело бы к нарушению права быть собой. Имя в его правовом значении, по мнению М. М. Агаркова, является обособлением индивидуализации, а в его философской основе лежит моральное достоинство человека¹⁶. Этот пример показывает значение ценности и независимости человеческой личности в определении своего неимущественного и имущественного положения, даже если кто-то хочет это положение улучшить.

Сложно отрицать, что принцип личной свободы и автономии воли является философской основой частного права и сегодня. Данные ценности формируют в качестве субъекта права свободное автономное лицо, которое само вправе принять решение, желает оно получить благодеяние или нет. Из этого следует, что существующие в обществе ценности не позволяют экономическому анализу предопределить выбор нормативных правовых конструкций.

В то же время при выборе философии права в качестве основы правового регулирования вновь возникает интересная метаморфоза. С. С. Алексеев отмечает, что фундаментальная ценность свободы имеет прежде всего экономическое значение. Именно ценность свободы лежит в основе принципов свободы конкуренции, свободы договора — основных принципов рыночной экономики, предопределяющих экономическую эффективность обмена¹⁷. Таким образом, конструирование

¹⁰ Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971. С. 126.

¹¹ Черепяхин Б. Б. Указ. соч. С. 46–48.

¹² Алексеев С. С. Философия права. М., 1997. С. 2.

¹³ Там же. С. 12.

¹⁴ Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 161, 729.

¹⁵ Агарков М. М. Право на имя // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича. М., С. 143.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 728–730.

правового регулирования по догматическим принципам позволяет достигать цели, которые ставит перед собой экономический анализ права. В контексте проблемы навязанного благодеяния принцип свободы личности не позволяет установить в качестве общего правила односторонний характер сделок, опосредующих благодеяние.

На основе приведенных рассуждений можно сделать вывод, что экономический анализ права и философия права не являются взаимоисключающими предпосылками построения правового регулирования. Любая правовая норма может иметь в основе философскую ценность и одновременно обеспечивать достижение экономической эффективности. Выбор конкретной модели правового регулирования должен предопределяться взвешенным соотношением философских и экономических ценностей на долгосрочную перспективу.

Литература

1. Агарков М. М. Право на имя // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича. М. : Статут, 2005. 620 с.
2. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М. : Издательство НОРМА, 2001. 752 с.
3. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М. : Юрид. лит., 1971. 223 с.
4. Алексеев С. С. Философия права. М. : Издательство НОРМА, 1997. 336 с.
5. Алексеев С. С. Юридические конструкции — ключевое звено права (в порядке постановки проблемы) // Цивилистические записки : межвузовский сборник научных трудов. М. : Статут, 2001. С. 5–20.
6. Бибикина Е. В. Договор в пользу третьего лица в российском и европейском частном праве (сравнительно-правовой обзор) // Договоры и обязательства : сборник работ выпускников РШЧП. I том. 957 с.
7. Договорное и обязательственное право (общая часть) : постатейный комментарий к ст. 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко, О. А. Беляева [и др.]; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2017. 1120 с.
8. Карапетов А. Г. Экономический анализ права. М. : Статут, 2016. 528 с.
9. Черепяхин Б. Б. Дарение по Гражданскому кодексу Р.С.Ф.С.Р. Труды по гражданскому праву. Книга четвертая. М., 1923. С. 45–47.
10. Posner R. A. Economic Analysis of Law. 8th ed. New York : Aspen Publishers, 2010. 787 p.

References

1. Agarkov M. M. The Right to a Name [Pravo na imya] // Collection of Articles on Civil and Commercial Law. In Memory of Professor Gabriel Feliksovich Shershenevich [Sbornik statey po grazhdanskomu i torgovomu pravu. Pamyati professora Gabrielya Feliksovicha Shershenevicha]. M. : Statute [Statut], 2005. 620 p. (In rus)
2. Alekseev S. S. Ascent to the Law. Searches and Solutions [Voskhozhdeniye k pravu. Poiski i resheniya]. M. : NORMA Publishing House [Izdatel'stvo NORMA], 2001. 752 p. (In rus)
3. Alekseev S. S. The Social Value of Law in Soviet Society [Sotsial'naya tsennost' prava v sovetskom obshchestve]. M. : Jurid. lit. [Yurid. lit.], 1971. 223 p.
4. Alekseev S. S. Philosophy of Law [Filosofiya prava]. M. : NORMA Publishing House [Izdatel'stvo NORMA], 1997. 336 p. (In rus)
5. Alekseev S. S. Legal Constructions — a Key Link in Law (in the Manner of Statement of the Problem) [Yuridicheskiye konstruktсии — klyuchevoye zveno prava (v poryadke postanovki problemy)] // Civilistic Notes: Interuniversity Collection of Scientific Papers [Tsivilisticheskiye zapiski: Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov]. M. : Statute [Statut], 2001. P. 5–20. (In rus)
6. Bibikova E. V. A Contract in Favor of a Third Party in Russian and European Private Law (Comparative Legal Review) [Dogovor v pol'zu tret'yego litsa v rossiyskom i yevropeyskom chastnom prave (sravnitel'no-pravovoy obzor)] // Contracts and Obligations: a Collection of Works of Graduates of the Russian Chamber of Public Law [Dogovory i obyazatel'stva : sbornik rabot vypusknikov RSHCHP]. Vol. I. 957 p. (In rus)
7. Contractual and Law of Obligations (General Part): Article-by-Article Commentary on Articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation [Dogovornoye i obyazatel'stvennoye pravo (obshchaya chast') : postateynyy kommentariy k stat'yam 307–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii] / V. V. Baibak, R. S. Bevenko, O. A. Belyaeva [and others]; open ed. A. G. Karapetov. M. : M-Logos, 2017. 1120 p. (In rus)
8. Karapetov A. G. Economic Analysis of Law [Ekonomicheskiy analiz prava]. M. : Statute [Statut], 2016. 528 p. (In rus)
9. Cherepakhin B. B. Donation Under the Civil Code R.S.F.S.R. Civil Law Works. Book Four [Dareniye po Grazhdanskomu kodeksu R.S.F.S.R. Trudy po grazhdanskomu pravu. Kniga chetvertaya]. M., 1923. P. 45–57. (In rus)
10. Posner R. A. Economic Analysis of Law. 8th ed. New York : Aspen Publishers, 2010. 787 p.